

Габрусенок Н.И., Григорьев В.П., Ерошкин И.А., Ефимов А.А., Кисенков Г.К., Кодяков А.В., Карпалов В.Т., Комаров В.М., Котович П.В., Кистанова О.С., Кодяков А.В., Лесик П.С., Литвиненко А.И., Макаревич С.П., Нестерович В.А., Новицкий В.В., Полещук Ю.С., Пашаев А.А., Палагута В.Д., Савицкий В.А., Уральскова Н.Ф., Шаров В.П., Юдин В.И., Яровой Ю.С., средний медперсонал – Божко О.А., Горбулина М.И., Елистратова О.А., Иванченко Р.Г., Иванькова Л.А., Костенко Е.Н., Колесниченко О.Г., Комарова И.А., Муранова Н.В.,

Носова С.А., Пашкевич Н.В., Смирнова О.В., Труфанова Л.Г. и многие другие. К сожалению, всех уважаемых специалистов – представителей врачебного, среднего и младшего медперсонала перечислить невозможно.

Свое 55-летие коллектив филиала встретил хорошими показателями в лечебно-диагностической работе, высокой профессиональной подготовкой специалистов, желанием и далее приумножать славные традиции российской военной медицины.

© С.Б.МАНЫШЕВ, 2018
УДК [61:355]/(091)

Военная медицина на Северном Кавказе в первой половине XIX в.

МАНЫШЕВ С.Б. (msergey1990@gmail.com)

Институт российской истории РАН, Москва

В статье на основе большого фактического материала, извлеченного как из опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот архивных документов, дается обзор становления системы здравоохранения на Северном Кавказе в XIX в. Появившиеся в первой половине XIX в. в регионе русские войска сыграли в этом процессе большую роль. Именно в этот период здесь открываются первые специализированные медицинские учреждения – госпитали и лазареты. Уже в первой половине столетия в этих учреждениях могли получать квалифицированную медицинскую помощь представители местных народов. В заключение делается вывод о большой роли российской военной и военной медицины в становлении государственной медицины на Северном Кавказе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Кавказская война, военная медицина, военный госпиталь, лазарет, Северный Кавказ.

Manyshev S.B. – Military medicine in the North Caucasus in the first half of the XIX century. In the article, based on a large amount of factual material extracted from both published and newly introduced archival materials, a review of the development of the health system in the North Caucasus in the 19th century is given. Appeared in the first half of the XIX century in the region, the Russian troops played a big role in this process. It is during this period that the first specialized medical institutions – hospitals and infirmaries are opened here. Already in the first half of the century representatives of local peoples could receive qualified medical assistance in these institutions. In conclusion, a conclusion is drawn on the great role of the Russian military and military medicine in the development of state medicine in the North Caucasus.

К е у в о р д s: Caucasus War, military medicine, military hospital, infirmary, North Caucasus.

В первой половине XIX в. на Северном Кавказе развернулись масштабные события, получившие название Кавказской войны. Военное противостояние, а с другой стороны – развитие мирных торгово-экономических и социокультурных связей между Российской империей и народами региона показывали всю неоднозначность происходивших событий.

Взаимовлияние и взаимопроникновение культур в первой половине XIX в. предопределили дальнейшее развитие истории народов Северного Кавказа в составе России.

Одним из компонентов русско-кавказского взаимодействия в рассматриваемый период стало выстраивание системы здравоохранения и налаживание ме-

дицинской инфраструктуры. Основу квалифицированной медицинской помощи на Северном Кавказе в этот период составляли военные и военно-временные госпитали, а также полковые лазареты, в которых, в условиях отсутствия амбулаторий гражданского ведомства, квалифицированную медицинскую помощь могли получить местные жители.

Описывая события после даргинской экспедиции 1845 г., А.М.Дондуков-Корсаков говорил об организации медицинской помощи в лазарете в Герзель-ауле: «Расскажу несколько эпизодов моего пребывания в лазарете. Надобно заметить, что почти с выступления из Дарго никто из нас не был перевязан и не менял белья, часть имущества сожжена была в Дарго, остальное пропало во время перехода, мы все решительно были в рубищах. В лазарете нам дали солдатское белье и лазаретные халаты, колпаки и туфли; пока мы ими заменили наши лохмотья. Наконец, началась перевязка: наши раны все были в ужасном виде; от жару, поту и нечистоты почти у всех в ранах завелось большое количество червей и, как многие полагали, это и спасло нас от воспаления и гангрены. Но можно себе представить, что было в нашем помещении, когда все эти лохмотья валялись по полу, черви расползались по соломе, и какой невыносимый, несмотря на открытые окна, был воздух в казармах...» [4].

20 апреля 1838 г. в Кизляре, согласно распоряжению Ставропольского комиссариатского депо, был учрежден военно-временный госпиталь на 100 человек, для несения службы в котором была сформирована инвалидная полурота № 116 [14].

Кизлярский военно-временный госпиталь был достаточно крупным по меркам Северного Кавказа. Поэтому, когда стационарный госпиталь в Темир-Хан-Шуре был переполнен, больные отправлялись в Кизляр. Так как основной ареной войны был Северо-Восточный Кавказ, то раненые в первую очередь доставлялись в госпитали, расположенные в Дагестане, а шедших на поправку отправляли в близлежащие Шедринский или Моздокской госпитали [32].

17 декабря 1846 г. Комиссариатский департамент Военного министерства констатировал, что на 388 койках госпиталя помещалось 18 офицеров и 436 нижних чинов. В результате этого больные «за неотысканием домов, помещались по 3 человека на двух койках». Поэтому департамент ходатайствовал перед кизлярским комендантом о скорейшем найме приспособленных под госпиталь домов [33].

Согласно мнению врачей, развитие эпидемических заболеваний среди больных в госпиталях было связано с неудовлетворительным состоянием помещений, которые в большинстве своем не были приспособлены для стационарного лечения. Генерал-майор Ф.К.Клюки фон Клугенау доносил генералу Е.А.Головину в 1840 г., что временный госпиталь в Темир-Хан-Шуре может быть расположен «в турлучных казармах, нынешнюю осенью устроенных здесь для рот Апшеронского пехотного полка», а в крепости Бурной «на летнее помещение для больных может быть обращен существующий там еще в хорошем состоянии магазин» [9].

В начале 1850-х годов в городе по инициативе купца 1-й гильдии К.Баендурова специально для Кизлярского военно-временного госпиталя было построено новое здание на 200 человек, которое позволило сократить расходы казны на лечение больных и аренду непригодных зданий [34].

Военно-временные госпитали на территории Дагестана работали в селениях Ахты и Кумух, но к 1 января 1857 г. они были упразднены [31]. Стоит отметить, что штат их был недоукомплектован. Так, в Ахтынском госпитале были вакантными должности главного лекаря, ординатора, трех фельдшеров и аптекарского ученика, а в Кумухском госпитале — главного лекаря, двух ординаторов, четырех фельдшеров и аптекарского ученика [30].

Один из первых военных госпиталей на территории Осетии был открыт в 1808 г. во Владикавказе. Изначально он был рассчитан на 300 человек, но к 1840-м годам количество мест увеличилось до 600 [1]. В начале 1830-х годов в крепости Грозной был учрежден во-

енный госпиталь 1-го класса на 300 коек. Стационарные госпитали также были расположены в Темир-Хан-Шуре и Дербенте.

Госпиталь на 300 пациентов открылся в Дербенте в 1841 г. Для него было специально построено здание, а также учреждена подвижная инвалидная рота «в составе восьми унтер-офицеров и старядовых», которые назначались по распоряжению командира Отдельного кавказского корпуса [21]. Побывавший в 1847 г. на театре военных действий русский хирург Николай Пирогов писал: «Дербент... расположенный на горе, на берегу Каспийского моря, составляет после Темир-Хан-Шуры самый важный пункт в военно-медицинском отношении. В него свозятся после экспедиций в Дагестане на осень и зиму значительное число раненых» [11].

Вместимость военного госпиталя была в целом достаточно условной, т. к. в случае необходимости во время военных предприятий Русской армии число коек увеличивалось. С этой целью нанимались дополнительные помещения, выделялся инвентарь, медицинские препараты и перевязочные средства. В 1844 г. все военные и военно-временные госпитали были усилены штатами, а число коек увеличено в несколько раз, в частности во Владикавказском, Моздокском, Внезапненском и Дербентском военных госпиталях до 600, в Кизлярском до 300, а в Темир-Хан-Шурином до 1500 коек [10].

Военные госпитали отнюдь не были идеальными. В.А.Гейман писал: «Госпиталь в крепости Внезапной имел всего 300 мест для нижних чинов и десять офицерских, поэтому можно себе вообразить, какая давка и как мало могло быть удобств для помещения такого огромного количества больных. Все казармы и офицерские флигеля были очищены. Нас поместили в офицерскую палату. Я чувствовал полное изнеможение. Пришло несколько врачей — делать нам перевязки. Я попал на долю лекаря Прянишникова, от него так несло водкою, что не было возможности терпеть; притом он уже очень бесцеремонно взялся за перевязку, и от невольного толчка ногою не успел опомниться, как очутился под

кроватью. Тут же был молодой врач Костимиревский, он меня успокоил и перевязал рану. Хотя в госпитале нас содержали относительно не совсем хорошо, но делали все возможное... По прибытии нашем в госпиталь, первое время заведовал нашей палатою лекарь Душанский, но дня через два мы настоятельно просили о назначении другого, и нам дали молодого врача Костимиревского. Много мы ему обязаны, особенно я; положительно он спас мне жизнь» [3].

Не всегда у медицинских служащих, работавших в госпиталях, была соответствующая квалификация и навыки. В середине 1840-х годов во время осмотра госпиталей на Кавказе было обнаружено, что кровопускание, широко применявшееся для лечения самых разнообразных болезней, проводится фельдшерами небрежно. В крупном Владикавказском военном госпитале такая небрежность повлекла за собой трагические последствия, в результате которых несколько нижних чинов из Навагинского полка лишились рук. Согласно предписанию М.С.Воронцова корпусному штаб-доктору М.Ильяшенко было дано указание о проведении экзаменов для всех фельдшеров, состоящих в его ведении. При этом отмечалось, «чтобы медики, назначавшие кровопускание... непременно присутствовали при производстве операции, последствия которой всегда останутся на их личной совести» [15].

Нередкими были и случаи злоупотреблений в госпиталях и лазаретах. Например, ординатор Екатериноградского военного госпиталя штаб-лекарь А.Питрашко был предан военному суду за то, что использовал лазаретных служителей для выполнения своих личных поручений и работ, а также использовал двух рядовых, которые числились больными в лазарете — «одного для услуг при доме, а другого для шитья себе обуви без платы» [16].

В переписке между кизлярским командантом и смотрителем Кизлярского военного-временного госпиталя фиксируется, что в 1857 г. при смене смотрителя госпиталя комиссар Турчевич вывез в свою квартиру 2 тачки, нагруженные госпитальным имуществом. В результате

обыска, осуществленного членами конторы госпиталя, в его квартире были обнаружены 100 пододеяльников холщовых, 100 штук подержанных суконных одеял и 104 халата [35].

Несмотря на условия войны, русские офицеры и солдаты стремились оказывать медицинскую помощь и раненым горцам. После окончания сражения у аула Салты в сентябре 1847 г. М.С.Воронцов доносил военному министру: «Тотчас по занятии аула я принял меры к спасению сколько можно оставшихся там раненных горцев, коих найдено значительное число» [26]. Основоположник военно-полевой хирургии Н.И.Пирогов, побывавший на театре военных действий в 1847 г., также отмечал, что чеченцы часто привозили в военные госпитали своих раненых, а после операции увозили их обратно в горы.

В предписании Медицинского департамента Военного министерства говорилось: «На Черноморской береговой линии больных горцев, как враждебных так и покорных нам племен принимать по их желанию в наши госпитали и лазареты, и пользоваться на казенный счет, отпуская батальонным командирам за содержание горцев в батальонных лазаретах по одному рублю ассигнациями в сутки на каждого больного» [29].

В 1847 г. на излечении в лазарете кавказского линейного № 7 батальона находилось 6 человек из аула Ачхой, за 1848 и начало 1849 г. в полковом лазарете Егерского генерал-адъютанта князя Воронцова полка лечение получили 14 чеченцев [29].

15 мая 1858 г. император Александр II высочайше повелел «распространить дарованное горцам на Черноморской береговой линии и в Сванетии право получать врачебные пособия и пользоваться в военных госпиталях на счет казны на все прочие племена, как покорных, так и враждебных нам горцев на Кавказской линии, в Дагестане и Лезгинской кордонной линии» [24].

Подобная практика оказания медицинской помощи военными врачами продолжалась и во время переселения части народов региона в Османскую империю. Согласно предписанию главно-

командующего Кавказской армией, для лечения больных мухаджиров был назначен один медик из Константиновского военно-временного госпиталя, Ставропольской комиссариатской комиссией выделены необходимое количество госпитальных палаток, а также средства для продовольствования больных [17].

Кроме того, военные госпитали выступали своеобразными центрами по подготовке первых медиков из представителей народов Северного Кавказа. В 1857 г. в Хасавюртовском военном госпитале среди фельдшерских учеников значатся кизлярские казаки Петр Геранин, Павел Мыгнев и Акиндин Садавов [28].

К началу 1850-х годов на Северном Кавказе, согласно данным, приведенным в военно-статистическом описании края, действовало 17 военных, военно-временных и полугоспиталей всего на 4555 человек [2]. Однако эти цифры достаточно условны, т. к. здесь не учтены мощности Дербентского и Темир-Хан-Шуринского госпиталей. Следует учитывать и то, что военно-временные госпитали, как правило, были переполнены.

Отдельно стоит сказать о медицинском обслуживании иррегулярных воинских соединений, принимавших участие в Кавказской войне. Формирование первых иррегулярных частей из северокавказских горцев, которые должны были нести военную службу, происходит еще в XVIII в., а к рассматриваемому периоду горская милиция становится неотъемлемой частью военной повседневности. Первоначально использовавшиеся для охраны дорог, во второй четверти XIX в. иррегулярные соединения принимают участие в большинстве военных операций российского командования. К началу 1830-х годов, согласно оценкам командования, ополчение из закавказских провинций (сюда входила также большая часть территории Дагестана) могло составлять более 16 тыс. человек. Подобные соединения собирались и распускались по мере надобности. Известно, что в боевых действиях на Северном Кавказе и в Закавказье участвовали милиции Аварская, Акушинская, Горская, Дагестанская, Ингушская, Осетинская, Сюргинская, Тагаурская, Тарковская, Бакинская, Грузинская и др.

По всей видимости, первоначально в иррегулярных частях не было специальных штатных медиков, больные и раненые обслуживались либо у местных народных лекарей, либо в военных госпиталях и лазаретах. Однако уже с конца 1830-х гг. в документах встречаются упоминания лекарей, которые должны были сопровождать отряды грузинской милиции. Согласно предписанию генерал-лейтенанта Е.А.Головина от 25 апреля 1839 г., со ссылкой на «Положение об иррегулярных конных полках, формируемых при отделении Кавказском корпусе», для продовольствования лекарей выделялось по 4 фунта муки и 1 фунту мяса в сутки [36]. В документах начала 1840-х гг., посвященных грузинской милиции, постоянно встречается упоминание лекарей, сопровождавших отряды. На 650 человек милиционеров полагался 1 лекарь с жалованьем в 20 руб. серебром в месяц. Кроме того, для прислуги и помощи при каждом лекаре состоял помощник [36].

В 1854 г. на милиционеров, которые попали в плен, стало распространяться правило, до сих пор применявшееся только к военнотружущим регулярной армии, — они стали получать жалованье и пособие на лечение [7].

В 1851 г. был сформирован Дагестанский конно-иррегулярный полк. Согласно положению о нем, «мулла и лекарь из туземцев определяются по усмотрению Главнокомандующего из лиц аварского племени, известных усердием и преданностью правительству», а «русский лекарь определяется на общем основании по распоряжению Медицинского департамента Военного министерства». Кроме того, согласно штату в полку полагалось иметь по одному старшему и младшему фельдшеру, одного аптекарского ученика и 8 лазаретных служителей, которые назначались из регулярных войск [12].

В 1852 г. на должность штаб-лекаря полка был зачислен выпускник Московской медико-хирургической академии Иван Семенович Костемеровский. В этой должности он участвовал во всех военных действиях, где проявил себя как отличный врач. Характеризуя деятельность Костемеровского в одной из военных

операций, подполковник Лазарев отмечал, что он «подавал помощь нашим раненым под неприятельскими выстрелами с особенным хладнокровием» [6].

Во время своей службы в Дагестанском конном полку И.С.Костемеровский снискал себе славу как хороший врач не только у всадников, служивших в полку, и членов их семей, но и у жителей окрестных аулов. Статистика о количестве местных жителей, пользовавшихся услугами Костемеровского, свидетельствует о возрастающем доверии местных жителей к представителю научной медицины. В 1853 г. врачебную помощь получили 146 человек, 1854 г. — 468, 1855 г. — 504, 1856 г. — 986, 1857 г. — 1205, 1858 г. — 2484, 1859 г. — 3452, 1860 г. — 5646, январь 1861 г. — 587. В общей сложности за годы службы в Дагестанском конном полку И.С.Костемеровским была оказана помощь 15 478 местным жителям [8].

Первым же «туземным лекарем» был назначен в сентябре 1852 г. выходец из аула Чох прапорщик Хаджи Али Гальбарц оглы Питулов, занимавший эту должность до самой своей смерти в 1866 г. [6]. Жалованье этого лекаря составляло 180 руб. в год [12].

Первоначально предполагалось, что при полку будет устроен лазарет на 30 больных, на содержание которых отпускались бы необходимые средства [12]. Лазарет не был устроен из-за отсутствия пригодного здания, но при этом суммы на его содержание продолжали отпускаться в полном объеме, т. к. все чины полка и их семьи лечились от болезней в полку, а для этого необходимо было приобретать лекарства и прочие медицинские средства.

Первое упоминание о медицинском обеспечении казачьих войск следует отнести к лету 1803 г. Во время вспыхнувшей на Кавказе эпидемии чумы П.Д.Цициановым были разработаны рекомендации по предохранению от заразы. Среди прочего в них отмечалось, что «казаков таким же образом заболеловающих, принимать в полковые лазареты и также пользоваться, взыскивая с них потребное число денег за медикаменты, для чего отсылать их немедленно в ближайшие регулярные полки или команды, где служат лекаря» [27].

До 1820 г. в казачьих войсках не было ни одного медицинского работника. Генерал А.П.Ермолов писал начальнику главного штаба: «Кзаки на линии прибегают к старым бабам и разного рода людям, выдающим себя за лекарей, которые почти всегда лишь умножают их страдания и нередко причиняют самую смерть» [13].

Согласно указу императора уже 11 июля 1820 г. в Кизлярское, Терское, Семейное и Гребенское казачьи войска, а также в Моздокский, Волгский, Хоперский, Кубанский и Кавказский казачьи полки было определено по одному младшему лекарю и фельдшеру, а также по два цирюльника для оказания медицинской помощи [25]. 4 января 1837 г. в каждый из 9 полков Кавказского линейного казачьего войска было решено определить по одному старшему фельдшеру [18].

В 1837 г. в лазарете Гребенского казачьего полка на излечении находилось 7148 больных. Командующий этим полком подполковник Стенбок отмечал, что содержание лазарета «дорого обходится полку», т. к. на содержание больных в указанный год из казны было ассигновано 3574 руб., а из полковых сумм 2855 руб., к этому следовало прибавить 12 тыс. руб., израсходованных на дрова, а также жалование лазаретной прислуге [5].

В полковых лазаретах Кавказского линейного казачьего войска на излечении находились не только казаки, но и нижние чины регулярных войск, за содержание которых назначалась удвоенная плата, составлявшая 50 копеек [20].

Согласно императорскому указу от 14 июля 1839 г. при госпиталях и лазаретах войск Кавказской линии необходимо было содержать по 50 молодых людей для обучения фельдшерскому искусству для дальнейшей работы в лазаретах казачьих полков [19]. В середине 1840-х гг. в лазареты Кавказского линейного казачьего войска было определено по одному аптекарскому ученику с жалованием 33 руб. 60 коп. серебром в год. Как говорится в приказе, «в ученики эти назначить отличнейших по поведению и познаниям из числа старших фельдшеров, обучавшихся в военных госпиталях» [22].

В казачьих войсках на Северном Кавказе впервые появились лепрозории. Изначально больные проказой размещались в лечебнице, устроенной в станице Наурской, но в 1853 г. «для доставления больших удобств» подобная лечебница была устроена в станице Горячеводской. При этом отмечалось, что если здание не сможет вместить всех больных, «то пристроить к нему на счет войсковых сумм помещение в мере действительной надобности» [23].

Подводя итоги, можно заключить, что военная медицина на Северном Кавказе в первой половине XIX в. являлась важным компонентом повседневности не только российских военных, но и местных жителей, которые посредством достижений военных врачей могли получать квалифицированную медицинскую помощь.

Литература

1. *Беня Ф.М., Курбанов В.А.* Владикавказскому военному госпиталю – 200 лет // *Воен.-мед. журн.* – 2008. – Т. 329, № 7. – С. 81.
2. *Военно-статистическое обозрение Российской империи.* Т. XVI. Ч. I: Ставропольская губерния. – СПб, 1851. – С. 273–274.
3. *Гейман В.А.* 1845 год. Воспоминания // *Кавказский сборник.* – Т. III. – Тифлис, 1879. – С. 351–352.
4. *Дондуков-Корсаков А.М.* Мои воспоминания. 1845–1846 гг. – Ч. II // *Старина и новизна.* – Кн. 6. – СПб, 1903. – С. 161–162.
5. *Исторические сведения о Гребенском казачьем полку // Сборник Общества любителей казачьей старины.* – Владикавказ, 1912. – № 4. – С. 32.

6. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. – Петровск, 1909. – С. 141, 388.

7. *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб, 2008. – С. 344.

8. *Маньшиев С.Б., Маньшиева К.Б.* Некоторые эпизоды врачебной деятельности И.С.Костемеровского в должности штаб-лекаря Дагестанского конного полка // *Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Сост. А.А.Цыбульникова.* – Армавир, 2012. – С. 80.

9. *Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Ю.У.Дадаев, Х.Х.Рамазанов.* – М., 2005. – С. 217.

10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 150, карт. 1, д. 4, л. 11.
11. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу, 1849 г. // Н.И. Пирогов в Дагестане и народная медицина кавказских горцев: Сборник материалов / Отв. ред. Х.М.Доного. — Махачкала, 2012. — С. 48.
12. Положение о Дагестанском конно-иррегулярном полке. — СПб, 1851.
13. Понко И. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып. I: Гребенское войско. — СПб, 1880. — С. 208.
14. Приказы военного министра. — [СПб.], 1838. — № 80.
15. Приказы по Отдельному кавказскому корпусу. — [Тифлис], 1845. — № 129.
16. Приказы по Отдельному кавказскому корпусу. — [Тифлис], 1853. — № 184.
17. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-е — 70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Выявление, вступ. статья, ред., коммент. Т.Х.Калмыкова. — Нальчик, 2001. — С. 299–300, 316–317, 331, 350–351.
18. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XII. Отделение первое: 1837. — СПб, 1838. — С. 24. — № 9838.
19. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIV. Отделение первое: 1839. — СПб, 1840. — С. 622. — № 12532.
20. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. Отделение первое: 1840. — СПб, 1841. — С. 618. — № 13820.
21. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. Отделение второе: 1842. — СПб, 1843. — С. 139. — № 16228.
22. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. Отделение второе: 1846. — СПб, 1847. — С. 279. — № 20416.
23. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXVIII. Отделение первое: 1853. — СПб, 1854. — С. 284. — № 27329.
24. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIII. Отделение первое. — СПб, 1860. — С. 618–619. — № 33154.
25. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXVII: 1820 — 1821. — СПб, 1830. — С. 388–389. — № 28351.
26. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1261, оп. 1, д. 2207, л. 201 об.
27. РГАДА, ф. 344, оп. 3, д. 8, л. 196 об.
28. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1058, оп. 1, д. 202, л. 32 об.
29. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 458, л. 3, 6, 40.
30. РГВИА, ф. 879, оп. 2, д. 201, л. 15 об., 17.
31. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 3, оп. 1, д. 27, л. 19.
32. ЦГА РД, ф. 379, оп. 4, д. 1192, л. 40, 135.
33. ЦГА РД, ф. 379, оп. 4, д. 1348, л. 5–5 об.
34. ЦГА РД, ф. 379, оп. 7, д. 269, л. 2.
35. ЦГА РД, ф. 379, оп. 7, д. 330, л. 6–6 об.
36. Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. — Тбилиси, 1953. — С. 185, 213.

© И.В.КАРПЕНКО, 2018
УДК 355(091) «1914–1918»

Бомбардировка санитарных поездов Русской армии немецкими и австрийскими самолетами в годы Первой мировой войны

КАРПЕНКО И.В., доцент, полковник медицинской службы в отставке (karpenko.iv@bk.ru)

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова Минздрава России

В статье рассмотрен вопрос о бомбардировках авиацией противника военно-санитарных поездов Русской армии в годы Первой мировой войны. Эвакуация раненых военно-санитарными поездами являлась важной составной частью лечебно-эвакуационного обеспечения Русской армии. В ходе войны основная часть раненых была эвакуирована с театра военных действий в тыл страны именно железнодорожным транспортом. Показано, что бомбардировки военно-санитарных поездов носили систематический целенаправленный характер и являлись нарушением положений Женевской конвенции 1864 г. об охране и облегчении участи больных и раненых воинов на войне. Эти положения были подтверждены гаагскими мирными конференциями 1899 и 1907 гг., оставаясь на период Первой мировой войны действующими документами международного права. Отмечено, что бомбардировки велись несмотря на опознавательные знаки Красного Креста на крышах вагонов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, бомбардировка, военно-санитарный поезд.